

ПОДВИЖНИКИ

Избранные
жизнеописания
и труды

Сборник Подвижники. Избранные жизнеописания и труды. Книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64109972

*Подвижники. Избранные жизнеописания и труды. Книга 2: Агни;
Самара; 1998*

ISBN 978-5-89850-014-6

Аннотация

Люди по-разному называют тех, кто посвятил свою жизнь служению: подвижниками, святыми, мучениками, предстателями, учителями, владыками, героями, деятелями и богами. Все они служили человечеству беззаветно, хотя и отличались друг от друга языком и принадлежностью к народу, временем и обычаями, религией и философией.

Их жизненные подвиги имеют много общего в прохождении, методах и результатах. Видимо, все, кто служит на благо человечества, обладают чем-то общим, идут схожими путями. И действительно, если обратиться к древности, то можно увидеть, что пути исходят из единого первоисточника, из которого вышли все религии и все духовные учения.

В этой книге рассматриваются подвижнические жизни некоторых из тех, кто стремился помочь людям в духовном продвижении.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Святой Марк	6
Евангелист Марк	6
Жизнь апостола и евангелиста Марка	40
Глава I	40
Глава II	45
Евангелие от Марка	53
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сборник
Подвижники. Избранные
жизнеописания
и труды. Книга 2

© 1999 Рериховский Центр Духовной Культуры г. Самары

© 1999 Издательский дом «Агни»

Святой Марк

Евангелист Марк

«НАЧАЛО РАДОСТНОЙ ВЕСТИ» – первые слова повествования Марка. Радостная весть – евангелион, евангелие. «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия». Это было не просто начало повествования. Это начало целой эпохи, первое свидетельство новой эры, дошедшее до нас. Трудно себе представить, насколько изменяло мир каждое слово этого нового повествования.

На древней иконе святая София – премудрость Божия склоняется над плечом евангелиста Марка.

Маленький дом на окраине Иерусалима неподалеку от Гефсиманского сада. Колышутся зеленые ветви, затеняя камни изгороди и мостовой. Под звездным небом вечности все дышит памятью о мгновении: три года одной человеческой жизни – много это или мало? По прошествии веков, когда время спрессовывает правление великих царей в несколько дат, а простым смертным остается только тире между датами рождения и смерти, здесь, казалось бы, остановилось время. И нет возможности укротить страстный огонь желания – знать каждую минуту этих трех лет, каж-

дый миг. Сколько осталось свидетельств, сколько записано слов, но все бесконечно мало, мало, и невозможно утолить эту страшную жажду: знать. Знать истину. Знать то, что действительно было.

Маленький дом на окраине Иерусалима помнил многое. Помнили и обитатели его. И вся жизнь этих людей как бы переместилась в прошлое, которое стало для них вечностью – вечной болью и вечной загадкой. Каждый раз, накрывая на стол, они вспоминали, что здесь Он сидел в последний раз, отсюда вышел, чтобы больше не вернуться. Приходили, садились ученики Его и молчали, ибо нечего было им сказать здесь, где все было наполнено сердечным трепетом. «Любите друг друга» – казалось, проносилось в воздухе. Тихий ангел накрывал их безмолвием, которое говорило больше слов, и Он был здесь, они чувствовали Его. И смотрели друг другу в глаза – и видели Его взгляд. И отводили взоры от нестерпимой нежности и любви. И не знал мир – ни до ни после – такого великого молчания братства...

* * *

Никакой духовный Учитель не может прийти туда, где его не ждут. Самые великие приходили к тем народам, где ожидание напрягало сознания множеств настолько, что так называемая обычная жизнь – простое существование – уже теряло смысл, если не было наполнено устремлением к выше-

му. Напряжение ожидания чего-то бесконечно важного, напряжение до такой степени, что на любой зов человек бывал готов вскочить и бежать – встречать Мессию. Можем ли мы представить себе состояние сознания тех, кто готов был увидеть посланца Господа, а то и Его Самого, идущего по родной улице?!

Но именно в воронку этого страшного ожидания втягивалась масса желающих поживиться за его счет – шарлатанов, магов, колдунов, бродящих по дорогам и собирающих мзду за явление «чудес». Сколько их было до истинного Явления? Сколько лет и столетий после еще будут шататься они по дорогам, а навстречу им будут выходить такие же ждущие и лелеять мысль – не Он ли? А Он уже был, уже пришел и прошел. Тихо и незримо состоялась эта Судьба, почти не замеченная ни самим народом, ни власть предержащими, ни миром. Но время уже поделилось на нашу эру и то, что было до нее. И весь накал ожидания уже взорвал тихое бытие – свершилось!

Следом были те, кто понес дальше этот светильник – Свет Вечности. И нужно было не заменить его на мелькающие огоньки светлячков, на мерцание гнилушек, наполнявших «духовную» жизнь. Надо было донести весть о главном – Благоую весть – Евангелие. И из уст в уста передавались слова – как когда-то передавались притчи Соломона, короткими фразами, полустихами. Кто-то помнил одно, кто-то другое, третье. Вместе слагали мозаику из драгоценных камней Его

слов. Что-то, может быть, они записали еще при Его земной жизни, что-то позже. Казалось, что важнее всего сохранить Его слова, и только позже, много позже словно спохватились – а где же Он Сам?

Говорить о Нем – то есть о том, что понимается под Его земной жизнью, – казалось не очень важным, ибо Он для них никогда не умирал, кроме тех нескольких дней от погребения до Воскресения. Ибо каждый день теперь был наполнен Им, Его присутствием. В любой момент могла открыться дверь – и вот Он на пороге, родной и до боли, до последней черточки знакомый, и уже иной – в Вечности. Будешь ли вспоминать об ожидании Возлюбленного, если Он уже здесь?

Важнее было донести до других Радостную весть о спасении мира и дать им путь к этому спасению. И потому первая по времени написания, самая ранняя книга Нового Завета была не о прошлом, а о будущем – Апокалипсис! Нужно было объяснить – время близко; надо было пробудить, взорвать спящие сердца – покайтесь, «приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк 1.3), ибо время близко!

Слова Спасителя собирали. Возможно, записывал их в числе других и Левий Матфей. Логин эти ходили по рукам, переписывались, дополнялись – рукописи жили своей особой жизнью, рассыпаясь на отдельные части, соединяясь, – каждый раз новые, непредсказуемые. Это и было первое письменное свидетельство о Нем, практически до нас не

дошедшее и лишь понемногу восстанавливаемое учеными¹.

Были ли другие записи? Несомненно, но опять же не о Нем, а о словах Его, об Учении. Важное, сокровенное, тайное – то, что хотели сохранить ученики, – не сохранило Время. Оно оставило только то, что могло войти в сознание человека тех лет и не разрушить его, не убить величием тайны, не спалить страшным невыносимым пламенем Высшего Божества. «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх 33. 20), – говорит Бог Моисею и мог бы сказать всем остальным.

Потому молчат апостолы, но молчат только для нас, ибо сказанное уже сказано, и записанное записано в Вечности, и нет документа более прочного. Кто же говорит? Говорят семьдесят – те ученики, которые были рядом. Древнейшее Евангелие, как уже признано большинством ученых с середины XIX века, – Марка, ученика, друга, сотрудника и спутника Петра. По свидетельствам очевидцев, писал он со слов своего учителя, и Евангелие от Марка почти можно назвать Евангелием от Петра. Однако именно то, что авторство приписывается Марку, дает повод ученым верить, что это действительно так, ибо если бы оно шло под именем более известной личности из круга учеников Христа, был бы существенный повод для сомнений. Слишком много ходило под-

¹ Об исследованиях ученых времени написания Евангелий, авторов и источников см.: Мережковский Д. Иисус Неизвестный. М.: Республика, 1996; Мень А. Сын человеческий. М.: Фонд имени А. Меня, 1997; Канонические Евангелия. М.: Наука, 1992. Пер. с греч. В. Кузнецовой и др.

ложных откровений и евангелий, приписываемых двенадцати апостолам.

Следующим по времени создания ученые признали Евангелие от Матфея, того, который по жребию был выбран из семидесяти учеников на место Иуды Искарота. Но на самом деле, видимо, Матфеевы были только логин, а дальнейшая переработка принадлежала другому человеку, имени которого мы, вероятно, никогда уже не узнаем². Этот неизвестный соединил Евангелие, написанное Марком, и Матфеевы логин.

Затем был Лука – спутник и ученик апостола Павла. Лука также имел текст Марка, но дополнительно еще более полные логин и устные легенды и предания о рождении и детстве Спасителя. Таким образом, практически все три первых Евангелия согласованы между собой в самой своей основе, где второе и третье – Матфея и Луки – и представляют все более и более развернутый вариант первого – Марка. Их ученые и называют Синоптическими³ Евангелиями, то есть согласными.

Последним, самым поздним, было Евангелие от Иоанна. В нем уже сознательно была использована форма повествования, изначально данная Марком. Рассказ принадлежит очевидцу – и это бесспорно, но скорее всего как устное преда-

² Мережковский Д. Иисус Неизвестный.

³ *Синоптический* (греч. synoptikos – обозревающий все вместе) – сводный, обзорный, дающий обзор всех частей сложного целого.

ние. И если это предание действительно принадлежит Иоанну-апостолу, то записано оно было не с его слов, а по воспоминаниям с его слов. Может быть, другим Иоанном, которого впоследствии назовут пресвитером, тоже из семидесяти учеников, тоже видевшим и слышавшим, но не сыном Зеведея. А что же случилось с самим апостолом Иоанном, бесследно исчезнувшим со страниц Деяний Апостолов почти в самом начале? Не предрек ли Сам Спаситель ему и брату его: «Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься» (Мк 10. 39)?

Время смешало, перепутало имена и лица – и где теперь один Иоанн, где другой? Людям всегда хочется верить в чудо, потому когда один погиб – даже не заметили. Первое и последнее Евангелия – два живых свидетельства очевидцев, спутников, учеников. Но самое первое – Марка, и словом, поставленным им в начале повествования, «Евангелие» – «Благая весть», «Радостная весть» назовется потом каждое повествование о Спасителе. Первое действие – всегда точно ключ в двери, ведущей в новое.

«Марк, который был истолкователем (переводчиком) Петра, – сообщает в письме пресвитер Иоанн, – старательно записал все, что запомнил, однако не по порядку, и сказанное, и содеянное Господом. Ведь сам он не слушал Господа и не сопровождал Его, а лишь позже, как я сказал, [Марк сопровождал] Петра, который излагал учение с целью удовлетворить нуждам [слушателей], а не для того, чтобы изложить

по порядку слова Господни. Так что Марк ничуть не погрешил, описывая некоторые события так, как сохранил их в памяти. Ведь он заботился только об одном: не пропустить чего-нибудь из того, что он слышал, и ничего не исказить»⁴.

Иоанн Марк, а впоследствии просто Марк, переводя проповеди Петра, рассказывая, объясняя, бесконечное число раз повторяя один и тот же рассказ жадно внемлющим, начал потом записывать его по их горячим просьбам. «Когда Петр в Риме публично проповедовал Слово и Духом возвещал Евангелие, то многие из бывших там просили Марка (давнего его спутника, помнившего все сказанное им) записать рассказанное [Петром]. Марк, написав Евангелие, передал его тем, кому оно было нужно»⁵.

Хотели люди не только из уст Петра и Марка, но и в их отсутствие обращаться к этой жизни: не видеv, видеть глазами очевидца, вспоминать вместе с ним. Хотели читать записанную жизнь Господа, как иногда не в силах бывает человек расстаться с любимой книгой. И Марк писал.

Он писал то, что говорил Петр, – оба стремительны, оба немногословны. Кратко, сжато, каждая фраза – как выстрел, как удар меча. У одного из исследователей⁶ есть сердцем написанные слова, и хочется привести их целиком.

Есть у Марка излюбленное, даже краем глаза читающе-

⁴ Канонические Евангелия. С. 117.

⁵ Там же.

⁶ Мережковский Д. Иисус Неизвестный. С. 39–40.

му заметное словечко: «тотчас». От первой главы до последней повторяется оно бесчисленно, упорно, однозвучно, кстати и некстати, почти как механическое движение – «тик», – трудно сказать, чей – Марка, Петра или обоих; кажется, последнее вернее: может быть, ученик заразился от учителя. В этом-то запыхавшемся «тотчас», как бы задышающемся беге к Нему, к Нему одному, к Господу, в этом стремительном полете брошенного из пращи Господней в цель Камня-Петра, – может быть, и поняли они друг друга лучше всего и полюбили навсегда.

Слышит Петр: «Следуй за Мной», и *тотчас*, оставив сети, следует за Ним; видит Его, идущего по воде, и *тотчас* сам хочет идти; чувствует, что «хорошо» быть на горе Преображения, и *тотчас*: «сделаем три кущи»; видит, что дело доходит до драки, и *тотчас* меч из ножен, и отсек ухо Малху; видит, что дело дошло до креста, и *тотчас*: «не знаю сего Человека»; слышит, что гроб пуст, и *тотчас* бежит к нему взапуски с Иоанном и обгоняет его; видит, что Господь идет по дороге из Рима: «Куда идешь» «В Рим, снова распяться», и *тотчас* возвращается – теперь уже навеки, больше никуда не пойдет, «тотчас» сделается вечностью, брошенный камень попал-таки в цель, лег и не сдвинется: «Церковь Мою созижду на камне сем».

Милый, родной, самый человеческий, самый грешный и святой из апостолов – Петр! Кажется, весь он в этом стремительном «тотчас», и не будь его – ни Петра, ни христианства

бы не было.

«Сам он не слышал и не сопутствовал Господу», – говорится в свидетельстве Папия о Марке. Но так ли это? В Каноне Муратори II века говорится обратное: «В ином же Марк и сам участвовал и, как оно было, так и записал».

* * *

Детство и юность Марка прошли в Иерусалиме. Год его рождения установить сейчас уже невозможно, но известно, что во время событий, описанных в Евангелиях, он был подростком. Конечно, многое из происходящего было ему малоинтересно, но он не мог не чувствовать общее состояние города, находящегося фактически под иноземным владычеством.

Римские прокураторы представляли собой как бы высшую местную инстанцию. Они ведали сбором дани для Рима и вершили уголовный суд. В Иерусалиме стояла целая когорта наемного войска, которой командовали римляне. Хотя иудеям была предоставлена некоторая автономия, которую осуществлял синедрион верховный суд в Иерусалиме, – римляне далеко не всегда считались с местными обычаями, что еще больше накаляло обстановку. Так при вступлении в должность прокуратор и префект Понтий Пилат приказал своим войскам внести в Иерусалим изображения императора, что оскорбило религиозные чувства ортодоксаль-

ных иудеев, ибо закон запрещал любые изображения людей. Использование храмовой казны на постройку водопровода также было против существующих правил.

В Иерусалиме, как и во всякой столице, отображались все процессы, происходящие в стране, и были представлены почти все течения, а их было немало. Именно отсутствие внутреннего единства общества было причиной общей слабости государства. Различные течения и группировки спорили между собой и по политическим и по религиозным вопросам, и спор этот длился многие десятилетия, не ослабевая.

Общественную верхушку иудеев составляли саддукеи, которые требовали строгого выполнения установлений Библии, не признавая никаких устных учений и дополнений. При этом они принимали греко-римскую культуру и в какой-то мере поддерживали официальные власти.

Не менее значительным влиянием среди иудеев обладали и фарисеи – религиозное течение, представители которого отвергали контакты с иноземцами, не признавали участия ни в каких чуждых празднествах и обычаях, но более свободно, чем саддукеи, относились к формулам, изложенным в Библии, позволяя себе толковать их и пересматривать согласно современной обстановке. Однако и среди них не было единства – некоторые в своем исполнении обрядов доходили до абсурда, за что и заслужили упреки в ханжестве и лицемерии даже среди представителей своей же секты.

Партию войны и национально-освободительного движения представляли zeloty и sikkarii — кинжальщики, — выступающие за непримиримую борьбу как с иноземцами, так и со своей собственной знатью.

Существовали и отрешившиеся от политической и общественной жизни, ушедшие из городов в дикие местности и живущие там по определенным законам общины, как, например, ессеи. В противоположность остальным течениям, смущавшим своими распрями спокойствие государства, ессеи стали практически предвестниками нового Учения, но только предвестниками, выразителями тенденции, устремления. Они уходили из городов и поселялись в уединенных местах и жили там аскетической и безбрачной жизнью. Считая, что старый завет с Господом уже утратил силу по вине народа, они проповедовали заключение нового завета, и что заключится этот завет только с последователями их учения. Многие обычаи и обряды иудеев они отвергали, из-за чего подвергались преследованию со стороны иудеев.

Естественно, что римские власти вполне устраивало это положение, которое позволяло успешно пользоваться правилом: «разделяй и властвуй». Также естественно, что ни Рим, ни местные правители не были заинтересованы в появлении лидеров, пользующихся авторитетом народа и способных повести за собой и объединить эти многочисленные течения. Но подобно тому, как в насыщенном солевом растворе вокруг каждой пылинки может образоваться кристалл, собира-

лись люди вокруг каждого проповедника, и любой пророк – истинный или ложный, – любой безумец или шарлатан, собирающий вокруг себя внемлющих, уже приковывал к себе настороженное внимание местных и иноземных правителей.

Иудеи ждали Мессию, но скорее не как духовного наставника, а как народного объединителя и освободителя. И если последователей такого человека становилось опасно много, то его безжалостно уничтожали. И Евангелия, и Деяния Апостолов, и историки того времени рассказывают о подобных расправах. Так был казнен Иоанн Креститель, слишком опасный с точки зрения Ирода Антипы. Иудейский писатель Иосиф Флавий упоминает некоего Февду, который увлек за собой массы народа, обещая показать чудо – воды реки расступятся перед ним, а те, кто пойдет за ним, обретут спасение. В Самарии объявился некто, назвавший себя Мессией, проповедовал открытое сопротивление властям и призывал на вооруженную борьбу. Другой проповедник из Египта, которого потом приняли за апостола Павла, призывал захватить Иерусалим. Были и просто юродивые, были фанатики, одержимые – но римляне особо не разбирались, а расправлялись быстро и жестоко: бросали на толпу военные отряды, топтали, били, кололи копьями. Все попытки вооруженных восстаний безжалостно подавлялись, затем следовали жестокие расправы над уцелевшими участниками. Тех, кого не трогал Рим, уничтожали свои.

В этот кипящий котел вошел Иисус и Его последователи.

«Говорят Ему ученики Его: «Где хочешь есть пасху? Мы пойдем и приготовим». И посылает двух из учеников Своих и говорит им: «Пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним, и куда он войдет, скажите хозяину дома того: «Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?»» И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую; там приготовьте нам. И пошли ученики Его и пришли в город, и нашли, как сказал им; и приготовили пасху» (Мк 14. 12–16).

Это и был дом матери Иоанна Марка на окраине Иерусалима неподалеку от Гефсиманского сада. Если бы Иисус с учениками бывал в том доме раньше, Он бы просто назвал конкретный «адрес», но из этих слов видно, что в доме том никто еще никогда не был – просто еще одно маленькое чудо: словно хозяева только для того родились, выросли, прожили жизнь, чтобы в определенный момент увидеть учеников на пороге и указать им горницу большую, устланную.

Там, в этой горнице верхнего жилья, и состоялась Тайная вечеря...

Мог ли мальчик 14–16 лет не бегать по городу со сверстниками, не видеть того, что происходит? Не бывать в сумятице шумной толпы, не слушать того, что рассказывается или

жарко, до крика, до хватаний за грудки, обсуждается среди народа? Ведь город был накален до красноты – не солнцем, но ожиданием, и любой разговор на площади, на базаре мог превратиться в жаркий спор и даже драку. Поразительно, что в таком споре живо сплетались предметы несоединимые – от повседневных мелочей до Господа-Творца и ожидаемого царя-Мессии.

Вездесущие мальчишки могли видеть очень многое, могли встречать и странную процессию с лавровыми ветвями, с расстиланием одежд перед человеком, одиноко едущим на молодом осле. Крики «Осанна!», радостные веселые глаза, надежды, восклицания, ожидания... Могли ли они не слышать об изгнании менял и торговцев из храма? Вездесущие мальчишки – один услышал, увидел, сразу бросился за друзьями: «Бежим, скорее! Там тот самый!» И бежали, и подсматривали, чтобы ничего не упустить, чтобы увидеть своими глазами. И он видел и слышал, но издалека, по-мальчишески, чтобы похвастаться перед друзьями и рассказывать потом со страшными глазами: «А я видел...»

На юге звезды большие, сверкающие. Как не ощутить себя на крыле Вечности, лежа на крыше и завернувшись в одно только покрывало. Сразу не заснуть – и долго лежит мальчишка, вспоминая все, что было днем, или путешествуя по сверкающим небесам. Все вокруг интересно – и не раз еще выглянет он с крыши, услышав какой-нибудь любопытный шум.

«Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью» (Мк 14. 17).

Неужели не увидел? Они – те самые – в твоём доме! Как удержаться, как остаться в постели, пропустить? И не выдержал, как был нагим, обернувшись только простынью, крадучись спустился вниз. Не оделся, потому что на минутку – только посмотреть, и остался навечно, как был обнаженным, перед Господом. Остался в самом Евангелии.

Многие исследователи обратили внимание на один странный эпизод в сцене взятия Иисуса стражами, который есть только в Евангелии от Марка. Он не несет никакой нравственной или поучительной нагрузки, его наличие в повествовании кажется совершенно бессмысленным, особенно у него, предельно до лаконичности краткого в любом описании.

«Тогда, оставивши Его, все бежали. Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них» (Мк 14. 50–52).

Столь дорог был Марку этот эпизод, что много лет спустя, собирая свои записи, не выдержал, вставил в повествование юный нечаянный свидетель. В книге пророка Амоса (2. 16) так сказано о том дне: «И самый отважный из храбрых убежит нагой в тот день».

Марк видел, может быть, даже больше, чем можно ожидать. Вряд ли запомнил прочно, скорее именно по-мальчишески. Он мог присутствовать и при самой казни. Как овцы без пастыря рассеялись ученики, но словно свет в окне горел им в том доме. Собирались туда, где хозяева прожили жизнь для того, чтобы на один вечер распахнуть двери Учителю.

А когда на проповедь вышли апостолы, снова закипел Иерусалим, заволновался от необычайных событий – приход Спасителя почти не заметив, разглядел Его в деяниях учеников. Иисус почти не являл чудес в Иерусалиме, но ученики являли. Неужели не было видно это глазами мальчишки, также вездесущего и пока еще падкого на чудеса? Как страстно и жадно будет он, повзрослев, вспоминать каждое мгновение, оживленное рассказом Петра, и вкладывать в его речь частицу своего воспоминания, еще более наполняя картину жизнью и светом любви!

Дом Марии, матери Иоанна Марка, стал для учеников Господа домом родным, куда как в убежище приходили они, где собирались для молитв и воспоминаний. «И пришедши взошли в горницу... Все они единомышленно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариєю, Материю Иисуса и с братьями Его» (Деян 1. 13–14). «В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались

ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!» (Ин 20. 19). «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого...» (Деян 2. 1–4) – это тогда, вскоре по Воскресении. И много лет позже – выведенный ночью ангелом из темницы Петр идет туда же: «И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились. Когда же Петр постучался у ворот, то вышла послушать служанка, именем Рода; и, узнавши голос Петра, от радости не отворила ворот, но вбежавши объявила, что Петр стоит у ворот» (Деян 12. 12–15). Значит, радовались ему все – от мала до велика в этом доме, ибо где бывал Он, не было уже ни малых, ни великих. «А те сказали ей: в своем ли ты уме? Но она утверждала свое. Они же говорили: это Ангел его. Между тем Петр продолжал стучать; когда же отворили, то увидели его и изумились. Он же, дав знак рукою, чтобы молчали, рассказал им, как Господь вывел его из темницы, и сказал: уведоьте о сем Иакова и братьев. Потом вышед пошел в другое место» (Деян 12. 15–17).

От кого еще Лука мог узнать столь детальные подробности того, что происходило – до жеста, до реплики, даже имя

служанки и то стало известно ему? Все было живо, все свежо в памяти, когда в долгих переходах от одного города к другому на стоянках или в римской тюрьме коротались вечера в рассказах. Там Лука и собирал по крупинкам воспоминания о Христе и деяния Его учеников. Самим им незачем и некогда было записывать о себе, они не считали это нужным – ведь все казалось столь мелким перед Его жизнью, Его великими деяниями. И лишь изредка под звездным небом при свете костра говорилось о том, что так заботливо берегла память.

Какими они были? Опять слышим голос Луки из Деяний, но это и голос Петра, и голос Марка: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян 4. 32). И имущие продавали имения свои и приносили вырученное, «и каждому давалось, в чем кто имел нужду. Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, – что значит: «сын утешения», – левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов» (Деян 4. 35–37).

Варнава – дядя Иоанна Марка. «Иакову Праведному, Иоанну и Петру Господь после Воскресения передал знание, они же передали его остальным апостолам, остальные же апостолы семидесяти, одним из которых был Варнава», – пишет Евсевий. Варнава – «муж добрый и исполненный Духа Святого и веры» (Деян 11. 24). Редкий случай – увидеть

портрет человека на страницах, написанных в те времена. Так и видишь спокойного, немногословного, мудрого человека, убеждающего более душой, чем речами. Как никто другой нужен он был темпераментному, резкому Марку.

Был ли Марк свидетелем, видел ли, ощущал ли? Несомненно, ведь недаром традиция причисляет его к семидесяти ученикам Христа. Главное то, что и смысл, и дух всего происходящего станут смыслом и духом его жизни. Стремительно взрослеющий, он, нечаянно для себя, был вырван из круга привычных детских забав и времяпрепровождения. В его жизнь вошла тайна, а вместе с ней и молчание. Трудно это было, но приходилось таиться – от своих даже больше, чем от римлян.

Входили ученики Его, чтобы помолчать и побыть вместе, входила мать Его... Как она искала Его в каждом юноше – и у мальчика нередко мурашки бежали под кожей от ее глубокого – из Вечности – взгляда. Проходя мимо, заметит, погладит по кудрявым непослушным волосам. Самая молчаливая, пройдет в глубину комнаты и сядет неслышно, словно разливая вокруг свет любви. И каждый чувствовал словно вину перед нею тяжкую, неизбывную. Слишком рано для простого мальчишки было чувствовать такое. Даже Петр не выдерживал, отводил глаза, и, может быть, снова и снова его рука сжималась, словно на рукояти меча. На всю жизнь теперь через сердце его прошла страшная борозда – его отречение.

Так и будет жить он с рассеченным сердцем, но живой и

только ради Него, Господа, живущий.

Сколько бы ни приходило учеников, какими бы они ни были, но если среди них был Петр, Марк не особенно замечал остальных. Может быть, тогда и сложилась та сердечная нить – от учителя к ученику, – которая всегда приводит к самому высокому Учителю.

Начиналось второе образование Иоанна Марка, его иная школа, в которой он был первым учеником. Впитал не букву Нового Завета, но сам дух – воду живую, от которой не возжаждать вовек. Постепенно этот живой огонь отольется в форму, появятся новые обряды, новые молитвы, новые службы, которые Марк тоже будет знать из первых рук и научится выполнять досконально, но пока еще это не форма, а живой огонь любви.

* * *

Столь скупы страницы Писания даже к самому Великому, где уж отыскать на них малое? Но как из небольшого окна можно увидеть огромный небосвод, так из нескольких обретенных фраз можно постараться собрать картину.

К концу тридцатых годов ученики рассеялись в результате гонений и ушли в миссионерские путешествия. Варнава отправился в Антиохию и встретил там очень радушный прием. Петр еще проповедовал в Иерусалиме. Иаков Зеведеев за проповедь был казнен – принял чашу, обещанную Госпо-

дом. Видя, «что это приятно Иудеям», Ирод «вслед за тем взял и Петра». Его также собирались казнить, но произошло чудо спасения из темницы, о котором уже упоминалось.

Возможно, вскоре после этого Марк оказался в Антиохии. Знал ли он о намечающемся миссионерском путешествии Павла и Варнавы? Может быть, даже и пришел для того, чтобы участвовать в нем, или был по другим делам, но, приглашенный Варнавой, не отказался.

Они побывали в Селевкий, затем приплыли на Кипр и в Саламине «проповедовали слово Божие в синагогах Иудейских» (Деян 13. 5). Но когда спутники из Пафа приплыли в Пергию, Марк отделяется от них по причинам, не объясненным в повествовании, и возвращается в Иерусалим.

Там, в этом котле, кипящем страстями, наметилось важное событие, которое станет поворотным пунктом для всей дальнейшей работы – первый Иерусалимский Собор. Поводом для этого собрания было отношение к язычникам, ибо некоторые из иудеев считали, что приверженцем нового учения мог стать только тот из иноверцев, который сделает обрезание по иудейским обычаям. Сейчас это трудно даже представить, но для многих христианство было лишь частью иудейской религии, иудейского закона, ибо не все могли вместить, что наступило время иного закона, который сотрет границы стран, народов, отживших верований и объединит, как это уже сделал на Востоке буддизм, людей самых разных наций.

Нужно было прояснить этот вопрос и утвердить на самом высоком уровне, чтобы пресечь даже возможность возникновения конфликта. Потому со многих мест собрались к тому времени в столицу апостолы, ученики и их последователи. Были там и Петр, и Павел с Варнавой, прибывшие из первого миссионерского путешествия, и многие другие. После обсуждений, может быть даже весьма горячих, выступил Петр – и этот авторитет был неоспорим – и сказал, что не нужно требовать от неиудеев исполнения иудейских обычаев и обрядов – достаточно только уважения к этим обычаям. Так после первого шага – проповеди среди язычников – был сделан еще один шаг от религии национальной к вере все-ленской, всеобщей.

Многие апостолы наметили уже новые путешествия. Легенды доносят до нас сведения о жребии, бросаемом учениками, куда кому идти проповедовать. Также и Павел после Собора задумал пройти по пути первого своего миссионерского путешествия навестить братию, а затем отправиться в места новые. На это дело он пригласил с собой Варнаву. Тот же всерьез был озабочен судьбой Марка. Убедил ли он Марка, или укорял племянника за отлучку из первого похода, или сам Марк, испытывая чувство вины, решил отправиться с ними, но только в Деяниях мы снова встречаем его в Антиохии, куда он пришел, видимо, со своим дядей после Собора. Однако Павел уже не захотел «брать отставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело, на которое они

были посланы. Отсюда произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр», а Павел, взяв Силу, отправился в Сирию и Киликию (Деян 15. 38–41).

Каких только измышлений не придумывали комментаторы на почве этого краткого повествования! Небольшое «огорчение» у них превращалось в конфликт, начало будущего раскола, подобно тому, как посеяли они между Петром и Павлом разногласие, которого, может быть, и не было вовсе, как прозорливо заметил впоследствии Иероним Стридонский. Но, видимо, кому-то очень нужны были эти конфликты даже среди самых первых и самых близких учеников, среди основоположников новой церкви, и если их не было, то их надо было придумать.

Не было никакого раскола и между Павлом и Варнавой, было «огорчение», и через много лет и много путешествий напишет сам Павел из римской тюрьмы около 60 года: «Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы, – о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его, – также Иисус, прозываемый Пустом, оба из обрезанных; они – единственные сотрудники для Царствия Божия, бывшие мне отрадою» (Кол 4. 10–11). И в другом письме: «Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения» (2

Тим 4. 10–11).

Словно пропасть невосполнимая между этими упоминаниями – от Деяний, где расстались, как бы даже душою разошлись, до посланий самого апостола, где не только встретились, но уже долгие годы вместе, когда всеми покинутый Павел среди малой горстки оставшихся верными учеников и сотрудников упоминает Марка, «бывшего отрадою».

Время – лучший учитель и судья.

* * *

Открывая любую книгу, особенно художественную, или статью, посвященную данной теме, нужно всегда помнить, что время донесло до нас крайне мало сведений. И когда заканчиваются факты, начинается домысел – это знают все историки. И у приверженцев, и у противников, и у скептиков есть только один и тот же скупой набор материалов, словно несколько кусочков от разрушенной фрески, и каждый дописывает происшедшее так, как считает нужным. Слишком много существует разногласий о событиях, описываемых далее, потому лучше быть краткими.

Когда началась совместная деятельность Петра и Марка точно сказать уже невозможно. А может быть, она никогда и не прекращалась? Где они прошли – мы не узнаем достоверно даже из легенд. Известно, что проповедовали по северу Палестины, приходили в Антиохию, учили в Коринфе.

По всей вероятности, Петр был во всех местах, перечисленных им в первом послании: «Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии» (1 Пет 1.1). «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1 Пет 5. 13), – напишет Петр по церковным преданиям около 63 года либо из Рима, иносказательно названного Вавилоном, либо на самом деле из прежнего города на Евфрате. Историки склоняются именно к первой версии, и действительно, основным поприщем Петра традиция называет Рим

Работы было очень много – не только проповедь среди тех, кто еще не слышал о Спасителе, но больше, много больше требовалось работы среди тех, кто уже был «в лоне церкви». Рождалась новая организация, и нужно было заложить основы ее существования, ее деятельности, всей жизни ее общины. Конечно, рождались и обряды, но это не главенствовало, а было лишь формой внешнего подтверждения внутреннего процесса, способом содержания души, мыслей и чувств в чистоте, порядке и высоком устремлении.

Проповедь среди иноверцев привлекала новых сторонников, которым теперь нужно было объяснить, как жить дальше, дать совершенно новые принципы существования, и в этом главную роль играли те притчи, слова Христа, которые и указывали этот путь. Собственно и сам рассказ о Спасителе был также частью церковной службы, и как уже говорилось, повторялся несчетное количество раз.

Несомненно, мысль о записях рассказа возникла у Мар-

ка вскоре после начала его хождения с Петром. Именно в путешествиях, в миссионерских походах начнется та работа, которая превратится затем в записанную Благою весть. Св. Иустин, цитируя в одном из своих трудов Евангелие от Марка, называет его «Воспоминаниями Петра». А св. Иероним пишет, что «при составлении этого Евангелия Петр рассказывал, Марк писал».

По преданию, сохраненному у Климента Александрийского, Иеронима и Евсевия, Марк написал Евангелие в Риме. «Когда Петр в Риме публично проповедовал Слово и Духом возвещал Евангелие, то многие из бывших там просили Марка (давнего его спутника, помнившего все сказанное им) записать рассказанное [Петром]. Марк, написав Евангелие, передал его тем, кому оно было нужно»⁷.

И есть некоторые косвенные подтверждения этой версии. Во-первых, Марк использует в книге некоторые латинские слова. Во-вторых, описывая иудейские обычаи или слова на местном наречии, Марк всегда объясняет их смысл, и это является отчетливым доказательством, что труд предназначен для людей иной веры и народности. Когда Марк говорит о Симоне Киринейском, несшем крест Христа на Голгофу, то без всякого объяснения замечает, что тот был «отцом Александра и Руфа», очевидно полагая, что эти лица хорошо знакомы его читателям, а предание гласит, что братья, упомянутые в Евангелии, были в это время как раз в Риме.

⁷ Канонические Евангелия. С. 117.

Петр рассказывал, а Марк переводил. Может быть, после проповедей по ночам записывал он услышанное, узнав новую подробность, дописывал, дополнял, стараясь не упустить чего-либо из драгоценных жемчужин. Не оформлял, не соединял, а хранил так – вдруг добавится еще что-либо новое, не дописанное. И лишь потом, вскоре после смерти Петра, когда уже неоткуда было дополнять, торопливо, вернее стремительно, как делал он все в своей жизни, объединил эти эпизоды. После тюрьмы в краткой передышке между концом одних гонений и началом других сплавлял он из эпизодов первую Великую Повесть.

* * *

Изначально повествование не называлось Евангелием, а просто подписано – «От Марка» или «Согласно Марку». И лишь впоследствии первые слова о Радостной вести озаглавят новую эпоху в жизни человечества.

«Дух Святой водил рукой евангелистов, когда они писали Евангелия», – напишет протестантский проповедник XVI в.⁸

Марку в словесной «мелкой живописи» (миниатюре), кажется, нет равного. Что же это такое? Чудо искусства, как у Гомера и Данте, если не большее, потому что внезапное – как и откуда взялось, неизвестно: Симона-рыбака немногим

⁸ Hase. Geschichte Jesu, 1876. S. 113. Osiander, harmon. Evang., anno 1537.

грамотней Марк, «толмач», даже по-гречески пишущий плохо; или, в самом деле, это «продиктовано Духом Святым», как на органных клавишах разыграно? Нет, ни то, ни другое, а естественное чудо любви: незабвенно помнящий, потому что бесконечно любящий, Святого святой очевидец. А если так, то можно сказать: другого подобного свидетеля мы не имеем ни об одном лице во всемирной истории⁹.

Самое краткое, самое точное, самое немногословное Евангелие. Слово сознания Петра отсекло многие речи, боясь потерять меч действия, ибо главное в жизни его – не говорить, а делать. Нет в повествовании ни генеалогии Иисуса, ни легенд о детстве его, ни какой-либо мифологизации. В первоначальном тексте не было даже последних строф о Воскресении – это уже позднейшая вставка. Самое историческое из всех Евангелий, говорят ученые.

Иногда очень болезненна эта краткость Петра – Марка, так и хочется прочесть больше – услышать из уст очевидцев. Но, может быть, и правильно, что ничего более не узнать об этих немногих днях земной жизни Спасителя, ибо не в земной жизни Его Истина, а в Вечности. Потому и предельно немногословен Марк, но краткость эта – как страшное напряжение пружины, до предела сжатой для действия, готовой взорвать тихое бытие, и каждое слово – как рывок, как удар меча, после которого надо вскакивать и начинать действовать – «тотчас», а не по размышлении! Единственный из

⁹ Д. Мережковский. Иисус Неизвестный. С. 41.

учеников Спасителя, носивший меч, словно бы передал его своему ученику.

* * *

Зрение лягушки обладает странным свойством – она не видит неподвижных предметов. Глаз ее способен уловить лишь движение. Пусть это сравнение устрасит, но духовное зрение многих людей подобно лягушачьему – они способны видеть лишь движение, то есть только то, что входит в их поле зрения или выходит из него, а не то, что живет и действует рядом. Вновь появившийся пророк приковывает к себе внимание, живущий рядом – большинством забыт, исчез из сердца. Услышав впервые проповедь истины, человек поражается глубиной ее, чувствует страшную важность всего того, о чем говорится. Но дальше нужно не только слушать, но и жить так, как сказано в проповеди, и не когда-нибудь, а «тотчас» – вскакивать и бежать, стремительно и бесповоротно, не оглядываясь назад, а это уже словно не под силу. Пророк и Учитель, приходящий и уходящий, заставляет думать, живущий рядом – забывается. Потому так бесконечны были странствия подвижников, созидающих новый мир. Движение, только движение, в котором жизнь, как неустанное вращение планеты, как биение сердца, как вечное пахтание Вселенной, – в нем и только в нем слагается в сердцах Храм Духа.

«Говорят, что этот самый Марк был первым послан в Египет, проповедовал там Евангелие, им написанное, и основал церкви в самой Александрии. Его проповедь сразу привлекла такое множество уверовавших мужчин и женщин, усердно упражнявшихся в любомудрии, что Филон решил сразу написать об их занятиях, собраниях, общих трапезах и вообще обо всем образе их жизни», – пишет Евсевий Памфил в «Церковной истории»¹⁰. И добавляет, что Филон, по церковным преданиям, достаточно тесно общался с Петром в Риме во времена Клавдия.

Снова в руках маленький фрагмент разрушенной картины: прошли годы, многие первые христианские общины распались, «возлюбив нынешний век», или рассеялись во время гонений, многие апостолы уже погибли мученической смертью. Все меньше и меньше их – видевших, слышавших Учителя. Но тем сильнее светят эти лампы пустыни – светильники неугасимые.

Предания гласят, что после мученической кончины Петра Марк путешествовал по побережью Италии с проповедью, затем отправился в Египет. Его учение в Александрии имело большой успех, и он обрел много последователей, даже основал христианское училище. Марк первый из всех учеников подошел к делу именно методически: если есть наука, то ей нужно обучать. И первый ученик той самой первой уди-

¹⁰ Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Изд. Спасо-Преображен. Валаам, монастыря, 1993. С. 63.

вительной школы становится учителем. Вот где пригодилось все то, чему он учился долгие годы рядом с апостолами, когда впитывал то, что станет потом священной наукой. Недаром из Александрийской школы вышли впоследствии многие отцы и учителя церкви.

Но Марк не останавливается на этом. Он проповедует Евангелие по всему Египту, во внутренних областях Африки, Ливии и Нектополе, затем снова возвращается в Александрию. И снова, как и ранее, важно было, чтобы люди не только уверовали и «обратились», но чтобы в корне изменилась их жизнь, ибо «вера без дел мертва» (Иак 2. 20).

Здесь предание дает удивительный пример соединения веры и деяний, который неожиданно оказался запечатленным в немногословной истории Филоном Александрийским. Повстречавшись с Марком, он увидел дела его и те общины, которые, как казалось Филону, основал Марк. Он был восхищен их святой жизнью и потому описал правила общин александрийских, так называемых терапевтов. Многие ученые и писатели раннего средневековья, как, например, Иероним Стридонский, действительно считали Марка их основателем. Однако современные исследования показали, что на самом деле общины терапевтов появились гораздо раньше. Они имели достаточно много общего с ессеями, и возникновение их относится примерно к одному и тому же времени – I–II век до н. э. Общий кризис духовной жизни народа породил массу сект и общин, которые стремились воплотить

утерянные идеалы. И нет ничего странного в том, что эти идеалы столь близки во многих странах и у разных народов. Потому и возникли ессеи с их мессианским духом и высоким ожиданием, и именно среди них Иисус находил многих сторонников.

То же, вероятно, произошло и в Александрии с терапевтами. Те общины, которые действовали в Египте, были одухотворены уже Благой вестью, принесенной Марком, – словно в сотворенное тело была вдунута искра жизни, и тело перестало быть просто телом, но стало человеком. Они не пропустили своего времени и взрастили свои зерна, давшие которое десять, а которое сто крат. Откликнулись на призыв первыми, узнав долгожданное, притянув события своим искренним устремлением: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф 7. 7). Общины «Нового Завета» обрели-таки свой Новый Завет.

Сколько дорог прошел Марк – в точности мы уже не узнаем никогда. Да в этом и нет необходимости. Ибо как в «реальности» того времени все дороги вели в Рим, так в Реальности Высшей все дороги ведут к Нему, к Господу, и этой дорогой Марк шел всю свою никем не записанную жизнь.

Предания гласят, что множество жителей Александрии приняли крещение, и это вызвало ненависть язычников. Когда Марк вернулся в очередной раз в город, он был схвачен, избит и брошен в темницу. На следующий день его повлек-

ли в судилище, продолжая избивать, но по дороге он скончался со словами: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой». Язычники хотели сжечь его тело, но когда они развели костер, раздался гром, и произошло землетрясение. Убийцы в ужасе разбежались, а ученики и последователи унесли тело и схоронили в каменной гробнице.

В 310 году на месте захоронения тела Марка была выстроена церковь, а в 820 г. мощи святого перенесли в Венецию и поставили в храме его имени. Египетская церковь выдвигает Марка своим основателем, и с IV столетия Александрийская епархия называется кафедрой Марка, а итальянские города Аквилея и Венеция даже приписывают евангелисту свое происхождение. Венеция считает св. Марка своим покровителем.

Основывая канон, отцы Церкви обратились к древнему пророчеству – видению Иезекииля, узревшего четырех таинственных животных. Каждому из евангелистов каноном был присвоен символ одного из них, так Марку достался крылатый лев.

Но каких бы решений ни выносили люди, а Суд Высший уже записал в истории так просто, бесхитростно и стремительно «НАЧАЛО РАДОСТНОЙ ВЕСТИ» – первые слова Марка. «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия».

Жизнь апостола и евангелиста Марка Написанная Севером, епископом Аль-Ушмунаина (ок. 955–987)

Глава I

Первая биография истории святой Церкви. История святого Марка, ученика и евангелиста, архиепископа города Александрии и великого из епископов

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа, Бога Единого

Во времена хождения милосердного Господа и Спасителя Иисуса Христа, когда Он избрал учеников, которые следовали за Ним, в одном из городов Пентаполиса на западе, называемом Кирены, жили два брата. Старшего звали Аристобул, младшего – Варнава. И были они земледельцами, и сеяли, и пожинали, ибо имели большое имущество. И исполняли они Закон Моисеев очень хорошо, и знали сердцем многие из книг Ветхого Завета. Но большие беды обрушились на них от племен варваров и эфиопов, когда во времена Августа Це-

заря, императора римского, были отняты все их богатства. И тогда, сосчитав потери и испытания, преследовавшие их, они покинули те земли, надеясь спасти хотя бы жизни свои, и отправились в путь к землям еврейским.

Братья обосновались в Палестине на окраине города Иерусалима. У них была двоюродная сестра, жена Симона Петра, который стал главою учеников Господа Христа. И сын Аристовула – подрастающий и благочестивый Иоанн, второе имя которого было Марк, часто посещал Петра. Слушая тексты Священных Писаний из уст верного ученика Спасителя, постигал он основы христианского учения.

Однажды Аристовул взял сына Марка к Иордану, и когда они шли туда, встретились им лев и львица. Увидев приближающихся зверей и почувствовав мощь их гнева, Аристовул сказал Марку: «Сын мой, видишь ли ярость этих львов, мчащихся, чтобы уничтожить нас? Беги теперь и спасайся, сын мой, и оставь меня, чтобы они пожрали меня, по воле Господа Всемогущего». Но ученик Христа, святой Марк, ответил отцу своему: «Не опасайся, отец мой. Христос, которому я верю, сохранит нас от любой опасности».

И когда львы приблизились, Марк, ученик Господа Христа, выступил против них и вскричал громким голосом: «Господь Иисус Христос, Сын Бога Живого, приказывает, чтобы вы шли прочь, и чтобы духу вашего не было в этих горах, и чтобы никогда более вы не возвращались сюда!»

В то же мгновение лев и львица бросились в разные сто-

роны и пали мертвыми, а следом и детеныши их. И когда Аристобул увидел это большое чудо, явленное Марком через мощь непобедимого Господа Иисуса Христа, он сказал сыну: «Я – твой отец, который породил тебя, Марк, сын мой. Но сегодня твое искусство – мой отец, мой спаситель и избавитель. И теперь, мой дорогой сын, я и мой брат просим тебя посвятить нас в учение Господа Иисуса Христа, которое ты исповедуешь». С того дня отец святого Марка и его дядя начали изучать заветы Христа.

После этого случая был другой. В тех местах в городе Азоте было очень большое оливковое дерево, высотой которого все восхищались. И люди этого города поклонялись луне и молились тому оливковому дереву.

Когда святой Марк увидел, что они молились, он сказал им: «Что вам до этого оливкового дерева, которому вы поклоняетесь как Богу, поедая плоды и сжигая ветви? Что оно может сделать? Воззрите, как словом Господа, которому я поклоняюсь, я прикажу, не прикоснувшись к дереву никаким инструментом, чтобы оно пало на землю».

Тогда люди сказали ему: «Мы знаем, что твой волшебник из Галилеи – великий мастер, и любое твое желание может исполнить. Но мы призовем нашего бога луну, которая подняла для нас это оливковое дерево, чтобы мы могли молиться ему».

Святой Марк ответил им: «Я повергну это дерево на землю, и если ваш бог сможет его поднять, то я буду служить

ему вместе с вами».

И они были удовлетворены этими словами. И удалили всех от дерева, говоря: «Смотрите, чтобы там никого не осталось».

Тогда святой Марк поднял глаза к небесам, повернулся к востоку, отверз уста и воззвал: «О Господь мой Иисус Христос, Сын Бога Живого, услышь раба своего и прикажи луне, которая есть второй слуга мира и дает свет ночью, обратиться по указу Твоему к этим людям, не имеющим Бога, чтобы познали они Того, Кто создал их и все сотворенное, Кто есть Бог, и могли служить ему. Хотя я знаю, о Господин и Бог мой, что луна не обладает ни голосом, ни даром речи, но благодаря твоей непреодолимой власти слова ее могут быть услышаны в сей час, и эти люди, не имеющие Бога, смогут познать, что луна – это не бог, но слуга под властью Твоей, и что Ты есть ее Бог. И прикажи этому дереву, которому они молятся, пасть ниц, чтобы все могли познать Твою власть и что нет иного Бога, кроме Тебя. Во Имя Отца и Святого Духа, дарующих жизнь вечную. Аминь».

И в тот же миг, едва только закончилась его молитва, наступила великая тьма, и в полдень луна появилась перед людьми сияющей в небесах. И они слышали голос луны, говорившей: «О маловеры, я не бог, чтобы вы поклонялись мне, но я слуга Господа и одно из Его творений. Я посланник Христа, моего Господа, и Он единственный, Кому мы служим и в чьей мы власти, и чьи поучения Марк, ученик

Его, проповедует». В тот же самый момент оливковое дерево упало. И большой страх охватил всех, кто видел это чудо.

Но те, кто поклонялся и служил дереву, разгневались, разорвали одежды святого Марка, схватили его, и избивали, и выдали его неверующим евреям, которые бросили его в тюрьму. Той ночью святой Марк увидел во сне Господа Христа, говорящего Петру: «Я выведу всех, кто в этой тюрьме». Когда он пробудился ото сна, то увидел двери тюрьмы открытыми; и он, и все, кто был с ним в тюрьме, вышли, ибо охранники тюрьмы спали как мертвые. Но многие, кто засвидетельствовал это событие, сказали: «Нет и не будет конца нашей работе с этими галилеянами, ибо они творят все это через Вельзевула, князя дьяволов».

И был Марк одним из семидесяти учеников. И был он одним из слуг, черпающих воду, которую Господь Наш превратил в вино на браке в Кане галилейской. И был он тем, кто нес флягу воды в дом Симона Киринаеянина во время Тайной вечери. И был также он тем, кто принимал учеников в своем доме во время Страстей Господа Христа и после Его Воскресения из мертвых, когда Он вошел в закрытые двери.

И после Его Вознесения Марк пошел с Петром в Иерусалим, и они проповедовали Слово Господа многим. И явился Петру Святой Дух, и приказал идти по городам и деревням, которые были в той стране. Так что Петр и Марк пошли в район Вифании и проповедовали там Слово Господа; и Петр оставался там несколько дней. И увидел он во сне

ангела Господнего, который сказал: «В двух местах большой голод». А Петр спросил у ангела: «Что это за места?» Тот ответил: «Город Александрия в земле египетской и город Рим. Это не тот голод, который бывает от недостатка хлеба и воды, а тот голод, который бывает от невежества и незнания Слова Господа, которое ты исповедуешь». Когда Петр пробудился ото сна, он рассказал Марку, что услышал. И после этого Петр и Марк пошли в земли Рима и проповедовали там Слово Господа.

И на пятнадцатом году после Вознесения Христа святой Петр послал святого Марка в город Александрию возвестить там Благоую весть и проповедовать Слово Божие и Евангелие Господа Иисуса Христа, Которого надлежит прославлять, почитать и Кому одному нужно поклоняться. Во Имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Вечного Бога. Аминь.

Глава II

Мученичество святого Марка и его проповеди в городе Александрии

После проповеди Господа и Спасителя Иисуса Христа и после Его Вознесения на небеса каждому апостолу, по воле Духа Святого, была указана страна, где им предназначалось проповедовать Слово Господа Иисуса Христа. И выпало

Марку идти в земли Египта и великий город Александрию. А народ тех мест пребывал в невежестве и поклонялся идолам вместо служения Создателю. И возвели там люди множество храмов своим презренным богам, устраивали языческие оргии во славу своих идолов. А жрецы, владеющие магическим искусством и ловко обманывающие темный люд, делили между собой приношения своим богам. И Марк был первым, кто проповедовал в землях египетских, и в Африке, и в Пентаполисе, и во всех тех областях.

Так, когда святой Марк возвратился из Рима, он отправился сначала в Пентаполис и проповедовал в тех местах Слово Божие, показывая много чудес, ибо он исцелял больных, очищал прокаженных и изгонял бесов милостью Господа, которая нисходила на него. И многие уверовали в Господа Христа благодаря ему, и свергли своих идолов, которым они ранее поклонялись, и все деревья, вместилища бесов, через которые они обращались к людям. И Марк крестил их во Имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога.

И Святой Дух явился ему, и сказал: «Встань и иди в город Александрию сеять там хорошие семена, которые есть Слово Господа». Так ученик Христа восстал и собрался, укрепясь Духом Святым, подобный воину в битве. И он приветствовал братьев, и, покидая их, сказал: «Господь Иисус Христос сделает мой путь легким, так что я могу идти в Александрию и проповедовать там святое Евангелие». Затем он помолился и сказал: «О Господь, усиль братьев, которые знают Твое

святое Имя, чтобы я мог возрадоваться вместе с ними». Тогда братья простились с ним.

Так Марк отправился к городу Александрии. И когда он вошел в ворота, ремень его обуви разорвался. Увидев это, он подумал: «Теперь я знаю, что Господь сделал мой путь легким». Оглянувшись вокруг, и увидел сапожника, и пошел к нему, и дал ему обувь, чтобы тот мог починить ее. И как только сапожник взял шило, чтобы зашить ремешок, оно воткнулось в его руку. И он воскликнул: «Хэнс хо Теос!», что означает: «Господь Единый!» И когда святой Марк услышал, что он упомянул имя Господа, он возрадовался очень, обратился лицом на восток и сказал: «О мой Господь Иисус, Ты делаешь легким мой путь повсюду!»

Тут же он плюнул на землю, и взял щепоть глины с этого места, и положил на рану, говоря: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа, Живого и Вечного Бога, пусть рука этого человека исцелится сразу, чтобы было прославлено Твое святое Имя». Рука тотчас исцелилась.

Святой Марк спросил сапожника: «Если ты знаешь, что Бог един, то почему служишь многим богам?» И тот ответил ему: «Мы лишь говорим о Боге – и все, ибо мы не знаем, кто Он».

И сапожник удивился силе Господа, которая сошла на святого Марка, и сказал ему: «Я прошу тебя, о Божий человек, остановиться у слуги твоего и есть хлеб мой, ибо ты содейал сегодня мне благое дело». Тогда святой Марк ответил с ра-

достью: «Да воздаст Господь тебе хлеб жизни на небесах!» И пошел с ним к его дому. И войдя в его жилище, сказал: «Да благословит Господь этот дом!» И произнес молитву.

После трапезы сапожник спросил его: «О мой отец, прошу тебя, расскажи, от кого твое умение творить столь великое чудо?» Тогда святой ответил ему: «Я служу Иисусу Христу, Сыну Вечного Живого Бога». Сапожник воскликнул: «Как бы я хотел увидеть Его!» Святой Марк сказал: «Я помогу тебе увидеть Его».

Тогда он начал учить его Евангелию и учению могущества, славы и царствия, которые от начала всех начал принадлежат Господу, и наставлял его со многими увещеваниями и поучениями, и закончил словами: «Господь Христос воплотился от Девы Марии, и вошел в мир, и спас нас от наших грехов». И он объяснил ему, что пророки предрекали Его приход.

Тогда сапожник сказал ему: «Я никогда не слышал обо всех этих книгах, о которых ты говоришь, но люди здесь учат своих детей по книгам греческих философов, и египтяне так делают». На что святой Марк возразил: «Мудрость философов этого мира – тщеславие перед Господом».

Когда же сапожник, восхищенный великим чудом исцеления своей руки, которое он видел сам, услышал слова Священных Писаний от святого Марка, сердце его преисполнилось доверием к нему. И он познал мудрость, и поверил в Господа, и крестился сам, и все его домочадцы, и все его со-

седи. И имя его было Ананий.

И когда те, кто уверовал в Господа, умножились, и жители города слышали, что человек, который был еврей и галилеянин, пришел в город, желая свергнуть идолов и наставить поклоняющихся им, и убедил многих перестать служить им, то его искали повсюду и назначили людей, чтобы наблюдать за ним. Так, когда святой Марк узнал, что они замыслили заговор, он рукоположил Анания в епископы Александрии, и также рукоположил трех священников и семь дьяконов, и назначил этих одиннадцать, чтобы они служили и утешали преданных братьев. Но сам он удалился оттуда и пошел в Пентаполис, где оставался два года, проповедуя и назначая епископов, и священников, и дьяконов во всех тех местах.

Возвратившись в Александрию, евангелист увидел, что братья укрепились в вере и умножились числом милостью Господа, и нашли средства построить церковь в месте, называемом пастбище рогатого скота – «Та Буколу», около моря и скалы, от которой брали камни. Святой Марк возрадовался этому, и упал на колени, и славил Господа за укрепление веры в людях, которых он сам наставлял в учении Господа Христа, и за то, что они отвергли служение идолам.

Но когда те, кто не уверовал, узнали, что святой Марк вернулся в Александрию, они были охвачены гневом, видя все дела, содеянные верующими в Христа, которые исцеляли больных и изгоняли бесов, отверзали уста немых и уши глухих и чистили прокаженных. И они искали святого Марка с

большой яростью, но не нашли его, и в бессилии скрежетали зубами в своих храмах и местах поклонения идолам, в гнев восклицая: «Видите зло от этого чужодеа?»

И в первый день недели, в праздник Пасхи Господа Христа, который пришелся в год на 29-й день месяца Бармудах, когда было также празднование у неверующих идолопоклонников, они искали его с рвением и нашли в святилище. Они бросились на него, и схватили его, и повязали веревку вокруг его шеи, и тянули его по земле, крича: «Ташите змею через загон для скота!» «Сиромен тон бубалон эн тоис буколу!» Но святой, в то время как они тащили его, продолжал восхвалять Господа и говорил: «Слава Тебе, о Господь, ибо Ты счел меня достойным пострадать во Имя Твое святое!» И его плоть разрывали и раздирали камни улиц, и кровь его бежала на землю.

И когда настал вечер, они бросили его в темницу, а сами собрались и решали, какой смерти его предать. И в полночь, когда двери темницы были закрыты, и тюремщик заснул у дверей, случилось сильное землетрясение и возник ужасный шум. И ангел Господа спустился с небес, и вошел к святому, и сказал ему: «О Марк, слуга Господний, вижу имя твое, написанное в Книге жизни, и твое мастерство, сосчитанное среди собрания святых, и твою душу, которая будет петь хвалу с ангелами в небесах, и твое тело, которое не разрушится и не прекратит существовать на земле».

И тогда святой Марк пробудился ото сна, поднял глаза

к небесам и сказал: «Благодарю Тебя, о Господь мой Иисус Христос, и прошу тебя принять меня к Себе, чтобы я мог быть счастлив в Твоем Совершенстве». И произнеся эти слова, он заснул снова, и Господь Христос явился ему в том виде, в котором ученики знали Его, и сказал ему: «Приветствую тебя, Марк, евангелист и избранник Мой!» Святой ответил ему: «Благодарю Тебя, о мой Спаситель Иисус Христос, ибо Ты соделал меня достойным страдать за Твое святое Имя». И Господь и Спаситель, благословив его, исчез.

И когда настало утро, собрались многие, и вывели святого из тюрьмы, и снова обвязали веревку на шее его, и воскликнули: «Тащите змею через скотский загон!» И вновь повлекли святого по земле, в то время как он восхвалял и благодарил Господа Христа и прославлял его. И когда Марк воскликнул: «В руки Твои отдаю дух мой, Господи», с этими словами он испустил дух.

Тогда служители грязных идолов собрали много дров в местечке, называемом Ангелион, чтобы сжечь там тело святого. Но волею Господа опустился густой туман, и поднялся такой сильный ветер, что земля дрожала, и обрушился сильный ливень. И многие из людей умерли от страха и ужаса, и другие восклицали: «Воистину идол Серапис явился, чтобы найти человека, убитого сегодня!»

Тогда преданные братья тайно взяли тело святого Марка из пепла, которое совсем не пострадало от огня. И принесли его в церковь, в которой совершали литургию, и одели в са-

ван, и совершили упокойные обряды и молитвы. И они вырыли место для него и захоронили тело там, чтобы сохранить память о нем навсегда с радостью и молитвой и благословением, помня милости Господа Христа, которые Он явил через святого в городе Александрии. И они поместили его в восточную часть церкви в день, когда состоялась его мученическая смерть. И стал он первым из галилеян мучеником во имя Господа Иисуса Христа в Александрии, а было это в последний день Бармудаха по счету египтян, что есть 8-й день перед календами¹¹ мая по римскому исчислению и 24-й день месяца Нисан по еврейскому календарю.

И мы также, сыновья православия, восхваляем славу и святость и возносим молитвы Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу, Тому, Кому должно хвалой и честью поклоняться с Отцом и Святым Духом, Дающим Жизнь и Единым в Своем Единстве, ныне и присно и во веки веков.

¹¹ *Календы* — в римском календаре первые числа месяцев, приходящиеся на время, близкое к новолунию.

Евангелие от Марка

1

1 Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.